

THE BEREZAN LETTER OF ACHILLODOROS: DATE AND TEXT

by V. P. Yailenko

The author discusses the inscription as published by Yu. G. Vinogradov in *VDI* 1971, 4, pp. 74—99. In his opinion Vinogradov's dating of the letter, his reading of its text and interpretation of its contents all need revision. In order to determine the date a whole complex of data must be considered: the archaeological context, the script and the graphic and dialectic peculiarities of the document. The date proposed by Vinogradov, the second half of the VI century B. C., seems a little too early. Since the archaeological context is not clear, the only secure basis for dating the letter is the character of the script. Comparison of its letter forms with those on a large number of dedications from the Olbian temple of Apollo Delphinios, which can be dated by ceramic criteria in the end of the VI and beginning of the V century, reveals a perfect correspondence. A similar date is indicated by the presence in the letter of both *boustrophedon* and *stoichedon* elements. Close analogies to the script of the Achillodoros letter are found also in other North Black Sea *graffiti* of the same period. In respect to phonetic and morphological characteristics, dating criteria may be seen in the appearance of several of these characteristics in documents written in the Ionic dialect, none of which are earlier than the first half of the V century. Consideration of all these factors leads the author to propose *ca.* 500 as the date of the letter.

The author finds fault with several corrections¹ introduced by Vinogradov into the text of the letter. In the author's opinion the correction $\tau\acute{\iota} \delta\epsilon$ for $\delta\epsilon \tau\acute{\iota}$ was made necessary by an incorrect syntactical periodisation of the clauses in lines 8—9. The original text needs no correcting; what needs correcting is Vinogradov's punctuation. Further, the author suggests the possibility that the original reading $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\phi\epsilon\upsilon\varsigma$ in line 12 is to be explained as an elision of the lambda. The words $\epsilon\upsilon \rho\alpha\beta\upsilon\lambda\alpha\tau\eta\sigma\iota\upsilon$ in the same line are taken by the author to refer to one of the places in the Olbian *chora* which were settled from the mother city. The word $\epsilon\iota\sigma\sigma\iota\upsilon$ is understood as parallel to $\epsilon\eta\sigma\iota(\nu)$ representing a contaminated Ionic-Attic form of the third person singular of the present tense. The author treats $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ as neuter accusative plural of $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}\nu$ «table for sacrificial offerings» (Hesych.) and $\chi\alpha\tau\alpha\beta\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota\upsilon$ as transitive in meaning: «carry down from above», i. e. from Olbia to Berezan; the transitive use of the verb here can be put down to the informal language of the letter. On page 151 the author presents his reading of the whole text, which is followed by a translation: «Protagores, your father informs you that he is being wronged by Matasys, for Matasys is deceiving him and has deprived him of the *phortegesios*. Go to Anaxagores and tell him that (Matasys) declares that he (the *phortegesios*) is the slave of Anaxagores, in these words: 'Anaxagores has possession of my (Matasys's) property — my slaves, male and female, and my houses', while he (the *phortegesios*) cries out and not only says that he has no relation to Matasys, but declares that he is free and that he has no relation to (that property), and that what passed between Matasys and Anaxagores (i. e. what property passed from Matasys to Anaxagores) they know themselves. Tell this to Anaxagores and his wife. And of this too he informs you: he (the father) is sending to Arbinatai to have the mother and brothers brought to the city; Coneuros himself will come to me and then take the tables down».

In a separate article the author will present his interpretation of the letter's contents.

ЕЩЕ РАЗ О ЯЗАМАТАХ

Античные авторы проявили достаточно интереса к племени, вошедшему в науку под именем язаматов (иксибатов). Не обделили его вниманием и современные исследователи. Большинство считает язаматов одним из сарматских племен, населявших степи между низовьями Дона и восточным побережьем Азовского моря¹. Известна в литературе точка зрения, согласно которой язаматы — это меоты². До недавнего времени обе версии не получали развернутой аргументации. Первая базировалась в основном на данных о воинственности язаматских женщин, сопоставлявшейся с савроматской гинекократией, и на предполагаемом единстве этнонимов «язаматы» и «языги». Вторая полностью основывалась на том факте, что язаматы по крайней мере в двух источниках названы якобы меотами. В 1971 г. специальную статью язаматам посвятил И. С. Каменецкий³. Решительно выступив в защиту их меотской принадлежности, он предложил и собственное решение вопроса локализации язаматов, усматривая в сообщениях античных авторов сведения о двукратном переселении этого племени (от побережья Черного моря к побережью Азовского, недалеко от Кубани, и оттуда к устью Дона).

Интерпретация этнической принадлежности, местонахождения и исторических судеб язаматов весьма важна в плане изучения древней истории населения Северо-Западного Кавказа. И коль скоро вопросы эти дискуссионны, назрела необходимость строгого и по возможности исчерпывающего (во всяком случае не выборочного) анализа тех сведений, которые и порождают сегодня разногласия.

Начну с локализации язаматов. Сразу подчеркну, что пребывание язаматов в степях, примыкающих с юга к нижнему течению Дона, для первых веков н.э. общепризнанно. Оно обосновывается свидетельствами Помпония Мелы⁴ и Птолемея⁵. Иное дело предшествующая локализация, которая во многом и предопределяет ныне столкновение мнений.

Самое раннее упоминание о язаматах принадлежит Гекатею, писавшему свой труд в 520—500 гг. до н.э.⁶ Сочинение Гекатея дошло во фрагментах, и интересующее нас сообщение («Иксибаты — народ у Понта, соседний с Синдикой») ⁷ лишено контекста, что, несомненно, затрудняет его правильную оценку. Авторитетность Гекатея, его относительная информированность о положении дел на Кавказском побережье Понта и азиатском Боспоре не подлежат сомнению⁸. И. С. Каменецкий с полным доверием относится к этому автору, предлагая свою интерпретацию «иксибатского фрагмента»: «Местоположение Синдики хорошо нам известно. Язаматов по Гекатею

¹ См., например, K. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, Bd. III, B., 1892, стр. 32—39; E. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 120; В. Ф. Га й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 60; K. S m i r n o v, Repartition des tribus Sarmates en Europe orientale, «VIe Congres international des sciences préhistoriques et protohistoriques», Moscou, 1962, стр. 3; В. Б. В и н о г р а д о в, Сарматы Северо-Восточного Кавказа, Грозный, 1963, стр. 144—145.

² См., например, В. П. Ш и л о в, О расселении меотских племен, СА, XIV, 1950, стр. 102; В. А. У с т и н о в а, К вопросу о присоединении Синдики к Боспорскому государству, ВДИ, 1966, № 4, стр. 130—134; В. Н. Г р а к о в, Скифы, М., 1971, стр. 110.

³ См. И. С. К а м е н е ц к и й, О язаматах, «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 165—170.

⁴ M e l a, I, 19, 114.

⁵ P t o l e m., Geogr. V, 8, 16; V, 8, 17—25.

⁶ См. E. H. B u n b u r y, A History of Ancient Geography, V, I, N. Y., 1959, стр. 134, 135.

⁷ H e c., Period. fr. 166.

⁸ См. Л. А. Е л ь н и ц к и й, Знания древних о северных странах, М., 1961, стр. 57, 58; М. П. И н а д з е, Причерноморские города древней Колхиды, Тбилиси, 1968, стр. 41—43.

следует поместить к юго-востоку от Таманского полуострова, на Черноморском побережье в районе Новороссийска и севернее»⁹.

Я уже писал о том, что методически неправильно трактовать античные письменные свидетельства с позиций наших современных знаний и понимания географических и историко-этнических признаков исследуемого района¹⁰. Так, по Гекатею, язаматы (иксибаты) — народ у Понта. Но «Понт» в понимании родоначальников географического описания его берегов — это не только Черное море, но и Азовское (Меотиды). Известна высокая достоверность «Перипла» Псевдо-Скилака в вопросах, касающихся Восточного и Северо-Восточного Причерноморья, информация о которых базируется на сведениях VI—IV вв. до н. э.¹¹ Тем показательнее следующий пассаж: «Савроматы. От реки Танаида начинается Азия и первый народ ее на Понте — Савроматы»¹², здесь под Понтом явно подразумевается Меотиды. Геродот свидетельствует: «Понт образует также озеро, изливающееся в него. . . оно называется Меотидою и матерью Понта»¹³, Дионисий Периегет и его позднейший схолиаст упорно повторяют и поспешно мотивируют древние представления о единстве водного бассейна Понта Эвксинского и Меотиды¹⁴.

Гекатею, его предшественнику Анаксимандру и всей понтийской географии были присущи представления о том, что смежные водные бассейны (моря) суть одно и то же, продолжение один другого¹⁵. Следовательно, характеристика язаматов (иксибатов) как народа, живущего «у Понта», отнюдь не является непременно указанием на берег Черного моря и несколько не противоречит местонахождению племени на побережье Меотиды.

Соседство с Синдикой, о котором говорит Гекатей, также едва ли стоит понимать прямолинейно, как факт реального, непосредственного соприкосновения. Не нужно забывать, что, судя по сохранившимся фрагментам, местности к северу от азиатского Боспора были знакомы Гекатею значительно меньше.

Синды Таманского полуострова в силу объективных причин раньше и прочнее всех племен бассейна Кубани попали в поле зрения античных географов. Размещаясь у самого пролива, между водами Понта Эвксинского и Меотиды, эта многочисленная и дееспособная «отрасль меотов» (Стефан Византийский) была известна еще логографам¹⁶. Очевидно, и Гекатей, зная о Синдике как о самой заметной местной политической и этнической силе, плохо представлял себе ее конкретные границы, особенно вдоль Меотиды. Не случайно, будучи наслышан о местном племени дандариев, обитавшем, как бесспорно установил В. П. Шилов, на правом берегу низовий Кубани, вдоль меотийского побережья¹⁷ и прямо соседившем с синдами, он характеризует его как «народ у Кавказа» и называет при описании Европы¹⁸ вне всякой связи с синдами и районом Боспора. В таких условиях и могло родиться мнение о прямом соседстве синдов и живущих где-то неподалеку иксибатов. Странно было бы требовать большей четкости сведений от Гекатея и его современников. Не могу не заметить тут же, что и Дионисий Периегет, и его схолиаст Евстафий сохранили очень схожее по смыслу свидетельство («Вблизи Меотийского озера живут сами меоты и савроматы. . . С савроматами же соседят синды. . .») ¹⁹.

⁹ Каменецкий, ук. соч., стр. 166.

¹⁰ В. Б. Виноградов, Локализация Ахардея и сиракского союза племен (по письменным источникам), СА, 1966 № 4, стр. 40.

¹¹ См. С. А. Жебелев, Скифский рассказ Геродота, в сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 326; RE, Bd. II, стр. 619—635, 643—646; RE, Bd. VII, стр. 1015; RE, Bd. VII, стр. 1620; Ельницкий, ук. соч., стр. 70; Пнадзе, ук. соч., стр. 49—51 и др.

¹² P s. - S c y l., 70.

¹³ H e r o d., IV, 10, 86.

¹⁴ D i o n y s., 652—710; E u s t a t h., 163.

¹⁵ См. В у н б у р г, ук. соч., стр. 130—137; Ельницкий, ук. соч., стр. 56, 65, 66.

¹⁶ H e l l a n, FHG, I, fr. 92.

¹⁷ См. Ш и л о в, ук. соч., стр. 117—119.

¹⁸ H e c., Period. fr. 161.

¹⁹ D i o n y s., 652—710; E u s t a t h., 680.

Нелишне вспомнить и свидетельство Псевдо-Гипократа о том, что савроматы — это «скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды» (Ps-Hip., 24), подразумевающее также прямое соседство с Синдикой, лежащей на Таманском полуострове. Все это несомненно отражает ту неопределенность и неточность информации, которые царили на первых порах знакомства именно с побережьем Меотиды, а не Понта как такового.

Для обоснования своей ранней локализации язаматов И. С. Каменецкий привлекает и широко известное предание о Тиргатао, дошедшее до нас в виде новеллы Полиена²⁰. Подчеркивая надежность сведений Полиена, относя сами события к концу V — началу IV в. до н. э., он выделяет из всего рассказа слова о «скалистых дорогах» бегства к иксоматам (язаматам) опальной супруги синдского царя, полагая, что их упоминание «как будто исключает путь от Синдики на север» и якобы приводит нас к черноморскому побережью²¹.

В такой интерпретации источника таится целый ряд искажений. Прежде всего, неопределенно удревнена и растянута датировка событий, описанных Полиеном²². Ведь из содержания рассказа явствует, что борьба Тиргатао против Боспора и вассальной ему Синдики велась отнюдь не на протяжении всего правления, а в последние годы жизни боспорского тирана Сатира I, который в результате этой борьбы «умер с отчаяния»²³, и завершилась уже после его смерти в результате «просьб и богатейших даров» Горгииппа, сына Сатира. Год смерти Сатира I нам известен — 389/8 г. до н.э.²⁴ Значит, и войну, поднятую Тиргатао, можно датировать сравнительно точно — концом 90-х — началом 80-х годов IV в. до н. э. Уточнение времени, когда разыгрались основные события, еще сыграет свою роль. А пока рассмотрим вопрос первостепенной важности: какой дорогой и куда бежала из заточения Тиргатао и где располагался плацдарм ее последующих активных военных действий.

Я не склонен недооценивать столь индивидуальные приметы маршрута бегства, как «скалистые дороги», и согласен, что путь беглянки из Синдики лежал не на север, не прямо к побережью Меотиды. Но и черноморское побережье в районе Новороссийска и севернее не соответствует этому. Во-первых, отлично ориентирующийся на местности автор рассказа ни намеком не показывает, что иксоматы жили на берегу Понта или хотя бы что дорога к ним шла вдоль морского берега. Во-вторых, расстояние от исторических южных границ Синдики до северных окрестностей современного Новороссийска не превышает 30—40 км. В рассказе же речь идет о долгом пути Тиргатао («идя по пустынным и скалистым дорогам и днем скрываясь в лесах, а по ночам продолжая путь, пришла, наконец, к так называемым иксоматам...»), что мало соответствует названному расстоянию, даже если храбрая язаматка, обманувшая стражу, шла действительно пешком и только по ночам. В-третьих, оказавшись у иксоматов и «склонив их к войне», Тиргатао, совершая набег на Синдику, «привела с собой многие из воинственных племен, живших вокруг Меотиды», именно Меотиды, а не понтийского побережья, хотя оно и густо населено потенциальными недругами Боспора, начинающего силой навязывать свою власть соседям. В-четвертых, наконец, пребывание язаматов в 80-х годах IV в. до н. э. в районе Новороссийска никак не вяжется с тем, что по берегу моря, от Синдской гавани (Анапа) и до Новороссийска, занимая ближайшие склоны Кавказских гор, стабильно размещались керкеты (или тореты), многократно тут засвидетельствованные начиная с VI—V вв. до н. э. (источники Псевдо-Скилака, Гелланик и др.)²⁵. Напомню здесь же, что соседние с Синдикой тореты вместе с самими синдами, а также дандариями и пессами не позднее 70-х годов IV в. до н. э. оказались

²⁰ Polyae n., *Strateg.* VIII, 55; М. Р о с т о в ц е в, Амага и Тиргатао, ЗООИД, XXXII, Одесса, 1915.

²¹ Каменецкий, ук. соч., стр. 167.

²² Сочинение Полиена датируется 162 г. н. э., но повествует о времени правления боспорского царя Сатира I (433—389 гг. до н. э.), базируясь на каких-то местных северочерноморских источниках.

²³ Polyae n., *Strateg.* VIII, 55.

²⁴ См. Syll.³, 206; Устенова, ук. соч., стр. 135.

²⁵ См. Ш и л о в, ук. соч., стр. 116.

включены в состав Боспорского царства²⁶, и отныне сын упоминавшегося выше Сатира I — боспорский архонт Левкон I — постоянно титулуется «царем синдов, торетов...». Невозможно допустить, что менее чем через 10 лет после блистательных успехов и побед Тиргатао, мир с которой так дорого достался Боспору²⁷, была бы прочно завоевана территория, служившая плацдармом для деятельности язаматской предводительницы и ее союзников. Зато все станет на свои места, если предположить, что борьба Тиргатао протекала далеко в стороне от южных границ Синдики и причерноморского района первоочередных экспансионистских устремлений Боспора.

После бегства Тиргатао приверженцы синдского царя Гекатея и боспорского тирана Сатира «с большим рвением принялись искать ее..., но поиски были напрасны». Умная и смелая язаматка должна была предвидеть погоню. Не потому ли для выхода к Меотиде, где она подняла многие племена меотского побережья (чего, кстати, и опасались ее гонители), она избрала долгий, кружной, но неожиданный для преследователей и удобный для скрытого бегства путь? Маршрут его мог вполне проходить по левобережью Кубани, вверх по течению, на восток, с последующим поворотом на север, в глубь степей, контролировавшихся приазовскими племенами савроматов. Характер местности по левому берегу Кубани известен нам из пространного рассказа Диодора Сицилийского об очередном столкновении Боспора с окружающими племенами в конце IV в. до н. э.²⁸ Местный ландшафт определяется тут «высокими утесами и огромным лесом»²⁹, что вполне соответствует признакам дороги, которой бежала из Синдики язаматка Тиргатао.

Итак, анализ источников показал беспочвенность такой их трактовки, при которой ранних язаматов-иксбатов локализовали на берегу Черного моря. Фактически нет ни одного серьезного довода в пользу того, что язаматы в VI — начале IV в. до н. э. были ближайшими южными соседями синдов. Нет, разумеется, подтверждений и их внезапной миграции на восточные берега Меотиды. Да и о каком переселении может быть речь, если иксматы в качестве племени, живущего на побережье Меотиды, близ устья Дона-Танаиса, были известны уже источникам Помпония Мелы? Последние восходят не только к V—IV вв. до н. э., но даже к древнеионийским писателям³⁰. Не зря же И. С. Каменецкий приводит веские аргументы в пользу того, что рассказ об иксбатах Помпония Мелы «восходит к весьма раннему времени»³¹. Впрочем, он тут же готов отказаться от них только из-за несоответствия локализации язаматов, данной Мелой, и своей собственной локализации этих племен в VI — начале IV в. до н. э. Но ведь это мнимое возражение, ибо причерноморское расселение язаматов ничем не подтверждается. Напротив, ценное свидетельство Помпония Мелы согласуется в целом с определениями территории обитания язаматов, которые мы находим у Гекатея, Полиена, Псевдо-Скимна³², Плиния³³, Птолемея. Все они с большей или меньшей обстоя-

²⁶ См. В. Д. Блаватский, Пантикапей, М., 1964, стр. 58; Устинова, ук. соч., стр. 129.

²⁷ Polyæn., *Strateg.* VIII, 55; Устинова, ук. соч., стр. 134—136.

²⁸ Diód., 6, XX, 20—23.

²⁹ Там же.

³⁰ См. М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Пг., 1925, стр. 46; Ельницкий, ук. соч., стр. 170; Инадзе, ук. соч., стр. 82—83.

³¹ Каменецкий, ук. соч., стр. 167.

³² Ps.-Skymn., 874—885. Мне кажется необоснованной попытка И. С. Каменецкого установить район обитания язаматов, опираясь на сообщение Псевдо-Скимна о 2000 стадий меотийского побережья, занимаемого сарматами — северными соседями язаматов. Полагаю, что брать «устье Дона» за точку отсчета расстояния неправомерно, ибо, по Псевдо-Скимну, сарматы живут «на Танаиде», который был границей Азии, т. е. на обоих его берегах, а не только к югу и востоку от устья. При таком понимании источника (ср. Д. А. Мачинский, О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников, АС, 13, Л., 1971, стр. 39—46) указанная Псевдо-Скимном протяженность владений сарматов увеличится и северная граница обитания язаматов отодвинется значительно севернее Таманского полуострова; это устранит мнимые противоречия, поставившие в тупик И. С. Каменецкого.

³³ Plin., NH, VI, 21. -

тельностью размещают язаматов у восточного побережья Меотиды, к югу от Танаиса. Некоторое непостоянство и подвижность границ владений язаматов, то будто бы простирающихся вплоть до северных рубежей Прикубанья (Гекатей, источники Полиена, Псевдо-Скимн), то вроде бы концентрирующихся к югу от низовий Дона (источники Помпония Мелы, Плиний, Птолемей), должны объясняться либо дефектами информации, либо реальной ситуацией, которая складывалась внутри того энергичного и политически активного мира, часть которого составляли язаматы восточного берега Меотиды.

Какова же этническая принадлежность язаматов? Савроматы они или меоты? Кто прав в дискуссии, начало которой современные ученые склонны относить еще к IV—III вв. до н. э., когда якобы Эфор считал язаматов савроматами, а Деметрий из Калатиса — меотами? Суждением Эфора и Деметрия, сохраненным нам Псевдо-Скимном, с самого начала полемики об этнической сути язаматов придавалось решающее значение; они безоговорочно противопоставлялись друг другу, считались взаимоисключающими. Это и привело к тупику, выход из которого И. С. Каменецкий увидел в попытке отдать предпочтение сведениям Деметрия о язаматах как более точным, в ущерб уровню достоверности Эфора³⁴.

Внимательное изучение соответствующих текстов позволяет высказать мнение, что суть свидетельств Эфора и Деметрия (в передаче Псевдо-Скимна) толковалась до сих пор неверно.

В отрывке из перипла Псевдо-Скимна речь идет о том, что рядом с сарматами, живущими «на Танаиде», обитает «меотийское племя, называемое язаматами, по словам Деметрия, а по Эфору оно называется племенем савроматов»³⁵.

Как видим, тут нет противопоставления язаматов-меотов язаматам-савроматам. Смысл иной: обоим информаторам Псевдо-Скимна на берегу Меотиды известно некое племя, соседящее с танаисскими сарматами; Эфор знает его (это «меотийское племя») под именем савроматов, а Деметрий называет язаматами. Следовательно, «савроматы» и «язаматы» — это два варианта наименования одного и того же «меотийского племени» и дело не в том, что язаматы характеризуются этнически то как меоты, то как савроматы, а просто некое племя, живущее близ Меотиды, именуется то собирательным названием большой группы ираноязычных племен — «савроматы», то конкретным (очевидно, своим собственным) этнонимом — «язаматы».

Мое понимание разбираемого отрывка основано не только на логико-синтаксическом анализе сложного для смысловой трактовки предложения из перипла Псевдо-Скимна. Оно отлично подтверждается тем, как прочел и осмыслил этот древний фрагмент, сохраненный в перипле Псевдо-Арриана, автор VI в. н. э. Стефан Византийский: «Язабаты — народ у Меотиды; Эфор называет их савроматами»³⁶. Если учесть, что Стефан Византийский знал меотов и счел нужным в справке о синдах оговорить мнение «некоторых», что «синдское племя есть отрасль меотов»³⁷, то понимание им интересующего нас отрывка представляется бесспорным: «язаматы» и «савроматы» — синонимические этнические названия и лишь факт обитания их носителей у Меотиды породил характеристику этого «народа» как «меотийского племени» в устах источников Псевдо-Скимна.

³⁴ См. Каменецкий, ук. соч., стр. 167. Исследователи, анализируя текст «Землеописания» Псевдо-Скимна, давно установили, что основным источником его описания побережья Черного моря к востоку от Тираса были сочинения Эфора, тогда как сведения Деметрия касались главным образом западного побережья Черного моря. Они же доказали, что труды Эфора — ценный исторический источник своего времени, умалить значение которого нет никакой нужды (см. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 25—32; Ельницкий, ук. соч., стр. 113; Инадзе, ук. соч., стр. 73—75; Мачинский, ук. соч., стр. 44 и др.).

³⁵ P s.-S c y m n. 874—885.

³⁶ S t e p h. B y z., см. SC, т. I, стр. 260.

³⁷ Там же, стр. 262—265.

Неверной представляется и версия, согласно которой Полиен якобы также «называет язаматов меотами»³⁸. Такого этнического определения нет в известной новелле, содержание которой нуждается в более внимательном изучении.

«Меотиянкой» Полиен трижды именует Тиргатао, которая, оказывается, происходила из семьи вождя племени иксоматов (язаматов), причем именует ее так только в первой трети своего рассказа, до бегства ее из границ Синдики. Здесь же упоминаются и «меоты» как возможный объект антибоспорской пропаганды опасной беглянки. Казалось бы, все ясно. Но почему вместе с появлением в новелле конкретного этнонима «иксоматы» (язаматы) определение «меотиянка» больше ни разу не прилагается к Тиргатао — иксоматке по происхождению, называемой в последующем тексте едва ли не в каждой фразе? Почему (воспринимаемый как этнический) термин «меоты», прилагаемый «приверженцами Гекатея и Сатира» к вероятным союзникам Тиргатао, на поверку оказывается чисто географическим, территориальным, ибо за Тиргатао идут кроме иксоматов «многие из воинственных племен, живших вокруг Меотиды»? Случайно ли, что имя отважной язаматки производится от иранского корня и близко имени мифического родоначальника скифов? И наконец, не показательно ли военно-политическое главенство Тиргатао над язаматами, столь созвучное многократно засвидетельствованной источниками гегемонии савроматов вообще и язаматов в частности (сообщения Псевдо-Скимна и Помпония Мелы)?

Достаточно задуматься над всем этим, чтобы прямолнейное отождествление полиеновских язаматов с собственно меотским этносом уступило бы место иной трактовке: язаматка Тиргатао именовалась меотиянкой только во время пребывания в Синдике, в среде греков и эллинизированной части синдов, для которых обитатели берегов Меотиды (независимо от их этнической принадлежности) — это «меоты».

Общепризнанно суждение о том, что «Меотида» — эллинизированное местное название побережья Азовского моря с его заросшими камышами заливами, лиманами и заболоченными берегами, образованное на базе древнеадыгских языков («вопноее болото») ³⁹. Это специфическое наименование бассейну могло быть дано скорее всего синдами — обитателями Таманского полуострова и части черноморского побережья ⁴⁰, имевшими все основания для сравнения, неслучайно Меотиде, а от них стало известно грекам. Гидроним «Меотида» и породил традицию именовать обитателей берегов этого бассейна меотами, меотскими племенами ⁴¹.

Я не оригинален во мнении, что первоначально имя это в устах античных авторов и причерноморских источников имело лишь территориальное, а не племенное (этническое) значение и распространялось на население вокруг Меотиды вообще ⁴². Но именно такой подход позволяет объяснить отмеченный еще М. И. Ростовцевым ⁴³ факт: в античных источниках классического времени и раннего эллинизма (или в более поздних сочинениях, опирающихся на ранние источники) названия «меоты», «скифы» и «савроматы» порой выступают как чрезвычайно близкие и даже перекрывающие друг друга понятия. И лишь после 40-х годов IV в. до н. э. (и чем позднее, тем увереннее) термин «меоты» начинает употребляться в качестве племенного собирательного имени, включавшего первоначально тофетов, дандариев, исессов ⁴⁴, а затем и многие другие близкородственные аборигенные племена бассейна Кубани и побережья Меоти-

³⁸ Каменецкий, ук. соч., стр. 166.

³⁹ См. Л. Г. Лопатинский, Заметки о народе адыге и кабардинцах в частности, СМОМПК, XXI, стр. 77; Шолов, ук. соч., стр. 110; Е. И. Кругинов, Древняя история и культура Кабарды, М., 1957, стр. 155—156; Дж. Н. Кокоев, К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережьях, «Уч. зап. Кабардино-Балкарского ун-та», VII, Нальчик, 1960, стр. 63.

⁴⁰ Этноним «синды» означает на адыгских языках «поморы», что вполне соответствует истине (см. Кругинов, ук. соч., стр. 155).

⁴¹ Ср. Eustath., 652.

⁴² См. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 110—112; Ельницкий, ук. соч., стр. 94, 95, 113; Мачинский, ук. соч., стр. 41, 42.

⁴³ См. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 111, 112.

⁴⁴ См. Шолов, ук. соч., стр. 105—109; Ельницкий, ук. соч., стр. 94, 95.

ды ⁴⁵, четко противопоставляя их этнически чуждым прапоязычным сарматским племенам. Первые примеры употребления названия «меоты» в таком смысле дает нам титулатура боспорских царей и соответствующий отрывок из Псевдо-Скилака, датирующийся в отличие от сведений Гекатея второй половиной IV в. до н. э. (Ps.-Skil., 68—72).

В специальной литературе довольно основательно выдвинуто предположение о том, что сами задонские савроматы Геродота — результат какой-то ассимиляции скифами части приазовских («меотских») племен, что по северному и восточному берегам Меотиды во времена Гекатея, Геродота, Эфора жило население, родственное савроматам, хотя и не идентичное им, так как своим происхождением оно еще более крепко связано с приазовскими («меотийскими») группами, этническая физиономия которых вовсе не была тождественна обитателям Прикубанья ⁴⁶. Совсем недавно эта точка зрения получила веские обоснования со стороны Д. Б. Шелова ⁴⁷, мобилизовавшего, в частности, и немалый фонд античных письменных свидетельств, в которых скифы, савроматы и амазонки-савроматиды фигурируют как «меотийские» племена, «меоты» и «меотиды» (к использованным им сообщениям Геродота, Гелланика, Страбона, Помпония Мелы могу добавить свидетельства Еврипида ⁴⁸, Теокрита и его схолиастов ⁴⁹). Предпринятый выше анализ свидетельств Гекатея, Псевдо-Скима, т. е. Эфора и Деметрия, и источников Полиена о язаматах, думается, соответствует версии о том, что они (язаматы) были савроматским племенем, территория обитания которого занимала часть восточного побережья Меотиды, что и позволило греческим партнерам включать его в число «меотийских племен».

Возможно ли, что язаматы в своей, так сказать, древней исконной сути не были прапоязычным племенем скифо-савроматского круга? Не исключено, конечно. Но фактов в пользу этого пока нет совсем. В исследуемое же время язаматы составляли часть савромато-сарматского мира, будучи если и не савроматами, как таковыми, то по крайней мере рано прапизированным, ассимилированным савроматами приазовским племенем, вошедшим в состав савроматского, а затем, возможно, и сиракского племенных объединений ⁵⁰.

Не стану останавливаться на археологических доводах Н. С. Каменецкого в пользу меотской этнической принадлежности язаматов. По его признанию, они либо не поднимаются выше, либо даже не достигают уровня рабочих гипотез ⁵¹. Появление этих догадок предопределено односторонней интерпретацией письменных источников. Археологически же они необоснованны и специалистами не разделяются ⁵².

В заключение замечу, что при трактовке вопроса о язаматах следует не пассивно учитывать две возможности решения, две якобы «равновероятные точки зрения», как предлагает Н. С. Каменецкий (будучи сам, однако, «убежден в меотской их принадлежности»), а опираться на наличные материалы. Эти же последние сегодня еще более, чем прежде, подтверждают принадлежность язаматов к сарматскому миру степей Приазовья.

В. Б. Виноградов

⁴⁵ Там же, стр. 109—123. Ср. Strabo, XI, 2, 11.

⁴⁶ См. М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, Пг., 1918, стр. 33, 34; Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время, ВССА, М., 1954, стр. 49; К. Ф. Смирнов, Савроматы, стр. 103 и др.

⁴⁷ Д. Б. Шелов, Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э., М., 1970, стр. 64 и сл.

⁴⁸ SC, т. I, стр. 343.

⁴⁹ Там же, стр. 396, 397.

⁵⁰ См. Смирнов, ук. соч., стр. 193, 194; В. Б. Виноградов, Сиракский союз племен на Северном Кавказе, СА, 1965, № 1, стр. 108 и сл.

⁵¹ Каменецкий, ук. соч., стр. 169.

⁵² См. Шелов, ук. соч., стр. 65, 68, 153, 305; он же, Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, М., 1972, стр. 237; Ю. П. Ефанов, Кобыковский грунтово-могильник и вопрос о его этнической принадлежности, в сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», М., 1968, стр. 136—143; Т. М. Арсениева, Лепная керамика Танаиса, в сб. «Античные древности Подонья Приазовья», М., 1969, стр. 206, 207 и др.

ONCE MORE ON THE IAZAMATAE

by V. B. Vinogradov

The Azov tribe of Iazamatae (Ixibatae) is often mentioned by ancient authors of the VI century B. C. to the II century A. D. The widely assepted version of the Sauromatian origin of the Iazamatae and their habitat between the lower courses of the Tanais (Don) and Lake Maeotis (the Sea of Azov) was recently opposed by I. S. Kamenetsky, who not only defends the hypothesis that the Iazamatae were ethnically Maeotian but proposes to place their early habitat near modern Novorossisk (on the Black Sea coast), from which region they migrated, in two stages, north to the Don. Kamenetsky bases his conclusions primarily on the evidence of Hecataeus, Polyaeus and Pseudo-Scymnus. Careful study of these and other sources exposes the one-sidedness of Kamenetsky's handling of the evidence. It becomes clear that in the classical and early Hellenistic periods «Maeotae» was collective tribal (ethnic) designation embracing the whole of the population round Lake Maeotis. It is just in this sense that Ephorus, Demetrius and the sources of Polyaeus call the Iazamatae a «Maeotian tribe». The idea that the Iazamatae inhabited the Black Sea coast will not withstand criticism either because it is based on an unsound and partial treatment of certain data which, in the author's opinion, conflict with facts given in the works of ancient authors.

The results of this study favour the Sauromatian version of the ethnic connections of the Iazamatae and the traditional localisation of their habitat as the only possible one, given the present state of our information; in the process it has been possible to fill out the history of the tribe with some additional details.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ, Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья, МИА, № 178, 1971, 286 стр., I—XXXVII табл.

Книга, которой посвящена настоящая рецензия, является последним крупным трудом Николая Ивановича Сокольского, видного советского археолога-антиковеда, недавно скончавшегося в расцвете творческих сил.

Давно не было работы, столь всеобъемлюще и полно осветившей такую важнейшую отрасль производства в античном обществе, как деревообработка. По глубине исследования, по широте охвата привлекаемого материала и разнообразию источников книга Н. И. Сокольского будет многие годы служить ценнейшим исследованием вопроса о роли и значении деревообработки не только в античных центрах юга нашей страны, но и во всем античном мире.

Основная задача, поставленная автором, — изучение деревообработки и хозяйственно-экономической роли дерева в одном из крупных районов античного мира — в городах Северного Причерноморья — полностью решена. Но значение этой работы гораздо шире намеченных автором рамок, поскольку исследование ведется на фоне развития ремесла во всем Средиземноморье и разрабатывается не узко технически, а исторически.

Автор проделал огромную работу по систематизации и всестороннему исследованию хранящихся в музеях нашей страны коллекций античных предметов из курганов и склепов.

С исчерпывающей полнотой изучены материалы по Ольвии, Херсонесу, Северо-Западному Крыму, Боспору с его округой, включая Танаис. Много новых данных по деревообработке получено Н. И. Сокольским при проведении раскопок на Таманском полуострове. Привлекаются также находки из Египта, Галлии, Италии данные эпиграфики, нумизматики, памятники античного искусства. Автор стремится опровергнуть представление о застойном характере деревообработки в античную эпоху, полагая, что развитие технических приемов шло параллельно с усовершенствованием орудий труда из железа и подтверждая это положение рядом примеров.

Книга состоит из введения, девяти глав, заключения, 37 таблиц и приложения. В тексте много рисунков, чертежей и реконструкций. Каждая глава снабжена обстоятельными примечаниями, в которых даются подробные сведения о материалах и источниках, использованных в книге.

В первой главе детально разработан вопрос о сырьевой базе деревообработки, рассматривается топография лесных массивов вблизи античных центров, намечается территория, откуда Боспор мог получать древесину — от устья Днепра до Азовского западного побережья. Автор широко привлекает результаты микроскопического анализа пород древесины и углей, и опираясь на свидетельства античных авторов, делает выводы об изменении лесного покрова южной зоны степей в различные периоды.